

ЕВГЕНИЙ
КАРНОВИЧ

Очерки и рассказы
из старинного быта
Польши

Евгений Петрович Карнович

Хозяин и гость

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Старинная Польша отличалась гостеприимством. „Гость в дом, Бог в дом“ – говорит одна польская пословица. Принять в своем доме гостя и отпустить его от себя вполне довольным, взяв с него обещание приехать снова, было для поляков прежнего покроя одним из высших наслаждений. Чтобы как можно яснее выразить это чувство, сродное впрочем всему славянскому племени, один богатый шляхтич приказал на своем доме сделать следующую надпись: „для приятелей, земляков и соотчичей и во славу Бога построил я этот замок“. Недостаточно было, однако, только накормить заезжего гостя, нужно было уметь напоить его...»

Евгений Петрович Карнович

Хозяин и гость

Старинная Польша отличалась гостеприимством. «Гость в дом, Бог в дом» – говорит одна польская пословица. Принять в своём доме гостя и отпустить его от себя вполне довольным, взяв с него обещание приехать снова было для поляков прежнего покроя одним из высших наслаждений.

Чтобы как можно яснее выразить это чувство, сродное впрочем всему славянскому племени, один богатый шляхтич приказал на своём доме сделать следующую надпись: "для приятелей, земляков и соотчичей и во славу Бога построил я этот замок". Недостаточно было, однако, только накормит заезжего гостя, нужно было уметь напоить его. Не будем удивляться, что страсть пить была необыкновенно развита в Польше; это было, впрочем, не пьянство, а удалые попойки в приятельском кругу. Быть самому крепкоголовым и spoить своих гостей считалось в прежнее время у поляков одним из главных условий радужного приёма. Люди, умевшие лихо пить, приобретали себе почётную известность. В этом искусстве были своего рода конкурсы и премии. Так, в начале царствования Августа

II, воевода равский Валицкий велел сделать огромный серебряный кубок, осыпал его драгоценными камнями и объявил по всей Польше и по всей Литве, что тот, кто выпьет разом этот кубок, вмещавший в себе гарнец, тот получит его в подарок, но что тот, кто возьмётся за это и этого не исполнит, вместо кубка получит 50 батогов. Множество гостей-конкурентов приезжали в воеводе; иные посмотрят на кубок, пошепчутся между собой, поедят, попьют у воеводы, да и с Богом домой: нечего напрасно и искушать себя. Но были и такие, которые уезжали от воеводы, увозя с собою, вместо кубка, память о полусотне батогов и сознание своей немощи. Были наконец и такие, которые расставались с гостеприимным хозяином, не по получении от него 50-ти, но целой сотни батогов, потому что, жадно посматривая на дорогой кубок, они принимались за него два раза, и каждый раз исполнение обоюдных условий оканчивались батогом. Чтобы не сделать расправу позорною в глазах братии-шляхты, воевода приказал вырезать на кубке надпись *Volenti non fit injuria* в том смысле, что в получении пяти-

десяти батогов, по своему собственному согласию, нет ничего предосудительного для шляхтича. Прошёл год в таких напрасных попытках. На другой год явился из Литвы один удалец и успел увезти кубов с собою.

Позднее Валицкого, Адам Малаховский, этот образец благородства и рыцарства, поставил себе в обязанность упайвать своих гостей, но он упайвал их до того, что все наконец стали объезжать мимо радушного хозяина. Несколько гостей были жертвою его дружеского приёма и улеглись на кладбище в имении Малаховского. Если нужно было кому-нибудь непременно видеть Малаховского, то они предварительно вступали с ним в переговоры о количестве, которое должно быть выпито в его доме, и брали от него особые в этом случае подписки. Малаховский был честен, и следовательно на него можно было положиться, но только трудно было добыть от него такое обязательство. Притом слуги, которые посылались к Малаховскому для подобных переговоров, были опаиваемы им в течение нескольких дней, и поэтому паны, желавшие видеть Малаховского, должны были

жить в его соседстве иногда очень долго, поджидая возвращение своих загулявших посланцев.

На больших пирах и на приятельских сходках дело обыкновенно оканчивалось тем, что сперва гостей, одного за другим, а потом и самого хозяина выносили из-за стола в беспмятстве и укладывали на постели, другие предупреждали такие выносы тем, что сами спускались под стол и там оставались покуда не приходили в себя.

Такая страсть в выпивке ещё в начале XVIII века существовала и у нас; стоит только заглянуть в дневник гольштинского камер-юнкера Берхгольца, чтоб видеть, как славно пили при дворе Петра I, как он заставлял пить и послов, и придворных дам, а для того, чтобы никто не мог уклоняться от этого, ставил в дверям военный караул.

У поляков угощение и попойка, кроме значения их как проявления гостеприимства, имели ещё политическую важность. Магнаты поддерживали своё влияние среди мелкой шляхты, кормя её и поя на свой счёт. Так известный Карл Радзивилл, имевший прозва-

ние "Panie Kochanku", приезжая на сеймик в Новогрудок, обедал два раза, сперва ел с мелкою шляхтою рубцы (фляки) и крупничек, а потом обедал во второй раз с значительными шляхтичами. Для таких угощений убивали на счёт Радзивилла ежедневно двух волов.

Конечно, это было злоупотребление гостеприимства людьми сильными, но задушевное польское радушие встречалось в среднем круге, у не слишком важных шляхтичей. Туда собирались толпы гостей, обыкновенно к именинам хозяина и хозяйки.

В первой половине прошлого столетия самые богатые поляки жили очень просто. Первые роскошные замки, в итальянском вкусе, стали являться у подольских и волынских магнатов, вследствие открытия русским оружием торговли на берегах Чёрного моря; туда из своих поместий стали отправлять хлеб и пшеницу польские паны и оттуда стали получать большие деньги. В прежнее же время было не так. Вместо английских садов, которыми зажиточные паны стали окружать свои жилища, стояло обыкновенно перед помещицким домом несколько лип; иногда перед до-

мом было озеро или пруд, и по берегам их были посажены гряды табаку, капусты, свекловицы и иных овощей. Между домом и липовыми аллеями росли махровые розы, сирень и маргаритки. К одной из сторон дома, противоположной главному фасаду, примыкал обширный двор, и часть его была засеяна маком и анисом. Забор делали из высокого дубового частокола; за внешней стороной забора был широкий выгон, который большею частью замыкался полукругом хат. На дворе был панский дом, иногда, смотря по состоянию хозяина, и на каменном фундаменте; подле дома была кухня и особые избы для гостей, нарочно выстроенные заботливым хозяином. Напротив кухни устраивался амбар; в нём хранились водка, солонина, ветчина и прочее. Годовые запасы амбара истреблялись иной раз совершенно в несколько дней приехавшими гостями, которым ни в чём не было отказа.

У ворот устраивались голубятня и копильня.

Но прежде, чем нам удастся побывать в палатах магната, посмотрим жилище, довольно

зажиточного шляхтича. Дом его, если только он был довольно велик, слыл в околотке под громким именем замка. Над крыльцом висел герб владельца. Крыша дома была высока и покатиستا; под неё обыкновенно ссыпалась мука.

С крыльца гости входили в просторные сени, отопляемые зимой; там, если не было в доме гостей, сидела прислуга, занимаясь весьма часто приготовлением неводов. Из сеней гости входили прямо в гостиную; над дверями, ведшими в эту комнату, висел образ или Борунской, или Ченстоховской, или Остробрамской Божией Матери. В этом лучшем покое всего дома мебель состояла из двух диванов, дюжины стульев, обитых простой холстиной, окрашенной в клеточки, из двух столиков и одного комода, окрашенных чёрною краской. На окнах были кисейные занавески, над камином было вделано зеркало, а на стенах висели изображения святых, портреты королей, особенно Августа III, весьма разошедшиеся по всей Польше, и фамильные портреты, писанные неприхотливою кистью местного художника, все на одинаковый

образец, как бы для подтверждения фамильного единства их оригиналов.

Из гостиной одна дверь вела в спальню, назначенную для самых почётных гостей. Там стояли две широкит лавки с сенниками, закрытыми коврами домашней работы, два дубовых стола, ничем не покрытые; на одном из них стояла туалетка с шашешницею, на другом – деревянное распятие; в этой комнате было ещё шесть стульев, а на стене висел образ. Один из двух входов в эту комнату был обыкновенно заперт и отпирался только перед теми гостями, которым хозяин дома оказывал особенную честь, помещая их на ночлег в этой, а не в другой комнате. За перегородкою этой комнаты стояла кровать самого хозяина под шерстяным или ситцевым пологом; над нею обыкновенно висел образ, переходивший посредством благословений, от одного поколения к другому в роде хозяина. Под образом была прилеплена свеча, называемая у поляков громница, освящаемая в праздник Сретения Господня и даваемая в руки умирающим; под образом же висела в кувшинчике святая вода с кропилком, несколько верб и

венков, сделанных для католического праздника "Божьего Тела". У хозяйской постели стоял большой стол, покрытой иногда сукном, иногда скатертью; на этом столе было поставлено распятие, с которым во время грозы бежал мальчик кругом дома, спасая его от ударов молнии.

Сени отделяли столовую от гостиной. В столовой находился стол, за которым могло поместиться сорок человек; кругом стола были лавки, обитые зелёным сукном. В столовой были часы с кукушкой и шкаф для буфета.

Вот все главные комнаты хозяина; в особой стороне дома находились спальни для его жены и детей, не отличавшиеся своим убранством и мебелью от прочих покоев.

Гости, приезжавшие к пану, останавливались, смотря по личной своей важности, или в доме самого хозяина, или в доме его эконома, или в избах, нарочно устроенных для гостей; в случае же большого прилива гостей, молодёжь размещалась по крестьянским избам. В гости ездили не только на несколько дней, но и на несколько недель, с целыми се-

мьями. Покуда гости оставались у пригласившего их, хозяин каждый день обходил или объезжал своих гостей, если они останавливались у эконома или в деревне; он это делал для того, чтобы пожелать им доброго утра. Хозяин большею частью будил гостей, потому что по старопольским обычаям не годилось, чтоб гости вставали раньше хозяина; обязанность хозяина была как можно более быть внимательным и предупредительным в своим гостям.

В то же время хозяйка навещала гостей женского пола, разослав им перед этим кофе с обильным количеством белого хлеба и со сливками, ею самую вскипячёнными.

Посещение гостей хозяином и хозяйкою происходило очень рано, часов в 6 или 7; около полудня гости собирались в хозяйский дом. Хозяин встречал каждого гостя в сенях и провожал к жене. Почёт от хозяина всем гостям был одинаков; но зато уже сами гости старались выразить или своё старшинство, или свою малость перед хозяином. Поэтому, когда последний всем своим гостям без различия только кланялся, гости, соображаясь с

своим собственным значением, целовали хозяина или в плечо, или в колено. Входя в гостиную, все мужчины подходили к ручке сперва к хозяйке дома, потом к её дочерям, а потом и ко всем дамам.

Когда все гости собирались, то слуга приносил водку и закуску; хозяин снимал саблю и говорил: "господа, прошу быть гостями!" Вслед за хозяином все гости снимали сабли и ставили их по углам; но если в это время являлся сенатор, или другой какой-нибудь знатный сановник, то все снова надевали свои сабли и выходили вместе с хозяином навстречу ясновельможному гостю. Особенно-важных гостей хозяин дома, со всеми своими гостями, встречал на границах своих владений; такому гостю все встречавшие кричали: "виват!", называя его красою своего околотка. Все сходили с коней, даже в самый глубокий снег; то же самое делала и встречаемая знатная особа, несмотря на просьбы встречающих, чтоб ясновельможный не беспокоился и не вылезал из саней. Такие встречи продолжались иногда несколько часов, потому что знатный гость обходил всех встретивших его

шляхтичей и целовался с каждым, а потом уж саделся не в сани, а на коня. После того высшей степенью вежливости было опередить такого гостя и встретить его всюю ватагой у крыльца хозяйского дома.

По прибытии знатного гостя хозяин уже не снимал сабли, а ожидал, покуда это сделает почётный посетитель, и только тогда предлагал прочим гостям поставить по углам свои сабли; но чуть только старший гость брался за саблю, как все кидались по углам, чтоб надеть свои сабли.

По прибытии всех гостей и по принесении водки, хозяин наливал первую рюмку и сам выпивал её (обычай этот и донныне сохраняется в польских домах) и потом рюмку вместе с бутылкою передавал самому почётному гостю, этот следующему и так далее. Последний из гостей, пивший водку, наливал рюмку слуге, который, опорожнив её тут же, уносил водку. Тогда все принимались за копчёное. Но если среди гостей был ксёндз, то питье водки начиналось с него, хотя бы в числе гостей и был сенатор. После закуски, поджидая обеда, саделись играть в карты; обыкновенно игра-

ли в марьяж по золотому.

Не игравшие мужчины толковали о сеймах, о послах, женщины толковали о хозяйстве и рукоделиях; сплетничали в ту пору довольно редко.

Около второго часу входил человек с салфеткою на плече и докладывал тихо хозяину, что стол готов, а хозяин, обращаясь в своей жене, громко говорил ей: "проси такого-то в столу!" Разумеется, избирался для этого самый почётный гость. Тогда мужчины брали дам под руку и шли в столовую. Все садились за стол, кроме хозяина, который переходил от гостя в гостю, предупреждая желание каждого.

Во время обеда старые слуги имели право вмешиваться в разговоры хозяина и гостей, особенно если речь шла об умерших панах. После первого кушанья, начиналось угощение вином и мёдом из малого кругового бокала. Обед был продолжителен; в числе прочих блюд подавали: борщ, рассол, говядину с хреном, рубцы с имбирём, уток с капорцами, индеек с миндальной подливкой, каплунов и теремов со свёклою, и разную жареную дичь.

Эти блюда перемешивались щуками, приготовленными под шафраном, карпами, поджаренными в меду, ершами и селявой (род ряпушки), подправленной гвоздикой и мускатом. У больших панов, кроме этого, подавали медвежьи лапы с вишнёвым соусом, бобровые хвосты с икрой, лосиные ноздри с грибами, печёных ежей, серн, поджаренных с фишашками, и кабаньи головы.

У магнатов только для важных гостей был во время обеда токай, для простой же шляхты и молодёжи подпивок, редко мёд, на том основании, что простые и молодые желудки не требуют поддержки. После обеда хозяин приглашал гостей помолиться Богу. Чубатые головы пожилых гостей благоговейно склонялись на широкие воловьи груди, и старое поколение набожно шептало молитву, но молодёжь около того времени уже начинала шаркать ногами, а некоторые из среды её, жалея недопитого, спешила опорожнить стоявшие перед ними кубки и рюмки. Поевши хорошенько, все распускали пояса.

После обеда молодые паны и паничи, а также панны и паненки пускались в танцы. У

старинных поляков, до введения вальсов, экосезов и т. д., были дзигун, гайдук, цыганка, подолянка и проч., заменённые потом мазуркой, краковяком и обертасом. Но пока молодёжь плясала, пожимая друг другу ручки, паны тоже не теряли времени, у них начиналась настоящая польская попойка. Подгулявши, они принимались петь хором известную польскую песню: "Kosciubruche" и когда доходили до слов: kurdesz kurdesz [1], то вскрикивали разом kochaj my się, т. е. обнимемся, и тут-то начинались и объятия, и поцелуи, и усиленная выпивка.

После некоторого времени, кубки и стаканы казались уже маловаты, а к вечеру брались за так называемые кии, огромные бокалы, вышиною чуть ли не в аршин. Эти кии нужно было выпивать разом, кто же не мог этого сделать, тех обрызгивали вином и лили им воду за воротник. После таких попоек, если у хозяина и у гостей оставались ещё силы, все пытались стать на ноги и начинали читать молитвы, а для облегчения от последствий сильной выпивки каждый съедал огромную миску кислой капусты.

Если гостей было слишком много, так что не все могли поместиться в доме, а время было тёплое, то угощение происходило на открытом воздухе. Это всего чаще случалось при сборах шляхты для конфедераций. В таких случаях шляхтичи размещались у хозяина, смотря по своему значению: одни оставались на дворе, другие сидели на крыльце, а третьи были приглашаемы в дом. Впрочем хозяин выражал особенную заботливость и о гостях низшего разряда, прохаживался между ними, обнимал, целовал их, дружески разговаривал со всеми, некоторым сам подносил и кушанье, и вино. Но гости этого разряда являлись в хозяину с своими ложками, вилками и ножами, которые они имели при себе за пазухой. Пили же они из серебряных хозяйских кубков.

Расходы на угощение были различны; угощение бедной шляхты стоило весьма недорого, но приём иного гостя обходился нередко в 30.000 злотых; разумеется, что такого рода приёмы мог давать только магнат магнату или самому королю.

Часто случалось, что при съездах гостей

происходило сватовство; один из гостей просил руки хозяйской дочери для своего сына, или наоборот, и тогда попойка ещё более увеличивалась. Гости, поздравляя невесту с помолвкой, снимали узенький башмачок с её ножки и пили за здоровье наречённой.

Молодёжь оканчивала своё веселье танцем, известным под названием драбанта и занесённым в Польшу шведами; это было нечто вроде нынешнего лансье.

Если пир происходил накануне заговенья, и если в числе гостей был ксёндз, то он тут же начинал свою проповедь, и гости, следуя его поучениям, утихали и начинали мало-помалу приходить в себя, а поутру все отправлялись в костёл, и в следующие дни затем не было видно на столе ни вина и ни одного скромного блюда, хотя бы гости и оставались ещё некоторое время.

Примечания

1

хороший друг, собеседник

[^^^]